

Залпы Синопа

Евгений Тарле

На рассвете 18 ноября 1853 года русская эскадра оказалась милях в десяти от Синопского рейда.

В 9 часов утра Нахимов на корабле «Мария» и рядом Новосильский на другом 120-пушечном корабле «Париж», а за ними, в двух колоннах, остальные суда пошли к Синопу. В половине первого часа дня раздался первый залп турецких батарей против эскадры Нахимова, входившей на рейд. Корабль Нахимова шел впереди и ближе всех стал к турецкому флоту и береговым батареям. Нахимов стоял на капитанском мостике «Марии» и смотрел в подзорную трубу на развернувшийся сразу артиллерийский бой. Русская победа определилась уже спустя два часа с небольшим. Турецкая артиллерия осыпала ядрами русскую эскадру, успела причинить не-

которым кораблям большие повреждения, но не потопила ни одного. А диспозиция Нахимова была исполнена в точности, и его приказы и наставления о том, как держаться в морском бою, принесли громадную пользу. Корабль «Константин» оказался в опасном положении и был окружен неприятельскими судами. Тогда «Чесма» вдруг вовсе перестала отстреливаться от обращенного против нее огня и направила полностью весь огонь своих орудий против особенно яростно громившего «Константина» турецкого фрегата «Навек-Бахри». Фрегат «Навек-Бахри», поражаемый огнем «Константина» и «Чесмы», взлетел на воздух, притом так, что груды его обломков и тела экипажа упали на береговую батарею, загромодили ее и этим вывели из строя...

Нужно заметить, что присутствие в составе эскадры Осман-паши двух паровых судов очень озабочивало Нахимова, у которого в распоряжении ни одного парохода не было, а были только парусные суда. Нахимов имел все основания опасаться, что быстроходный 20-пушечный пароход «Таиф», удобоподвижный, находящийся притом под управлением не турка, а прекрасного моряка-англичанина, может очень и очень себя проявить в битве, где большим парусным судам поворачиваться и маневрировать не так-то удобно и легко. Нахимов настолько считался с этим, что посвятил пароходам Осман-паши особый пункт своей диспозиции, отданной в его приказе накануне боя вечером 17 ноября: «Фрегатам «Кагул» и «Кулевчи» во время действия остаться под парусами для наблюдения за неприятельскими пароходами, которые, без сомнения, вступят под пары и будут вредить нашим судам по выбору своему».

Но это совершенно логичное и, казалось бы, безусловно правильное предположение Нахимова не оправдалось нисколько. Случилось нечто совсем неожиданное. Адольфус Слэд, командир «Таифа», мог сколько угодно переименовываться в Мушавер-пашу, но он, как был до своего превращения в поклонника пророка истым храбрым англичанином, а вовсе не турком, так англичанином и остался... Будучи превосходным, опытным командиром (единств-

П. С. Нахимов.

Портрет работы скульптора Н. Томского

Синопское сражение.
С картины А. Боголюбова. 1860

венным в этом отношении во всей эскадре Осман-паши), Слэд уже с самого начала битвы увидел, что турецкому флоту грозит поражение, а так как послом лордом Стрэтфордом ему было поручено наблюдать и доносить, а вовсе не класть свою голову в борьбе за Полумесяц, то, убедившись, уже вскоре после начала битвы, в неминуемой и сокрушающей победе Нахимова, он, искусно сманеврировав в самом опасном месте боя, вышел из рейда и помчался в Константинополь, забыв уведомить об этом своем внезапном бегстве своего прямого начальника Осман-пашу, которого покинул, таким образом, в самый трудный момент. За ним вдогонку полетели на всех парусах наши фрегаты «Кагул» и «Кулевчи», которые, как сказано, именно и были предназначены Нахимовым для наблюдения за «Таифом». Но им было не угнаться за быстрым пароходом, да еще превосходно управляемым.

Турецкий флот, застигнутый Нахимовым, погиб полностью — не уцелело ни

одного судна, и погиб он почти со всей своей командой. Были взорваны и превратились в кучу обломков четыре фрегата, один корвет и один пароход «Эрекли», который тоже мог бы уйти, пользуясь быстродходностью, подобно «Таифу», но на нем командовал турок, и он не последовал примеру Слэда. Были зажжены самими турками пробитые и искалеченные другие три фрегата и один корвет. Остальные суда, помельче, погибли тут же. Турки считали потом, что из состава экипажа погибло около 3 тысяч с лишком...

Наступил вечер, и вот какая картина предстала перед глазами экипажа корниловской эскадры, когда она вошла в Синопскую бухту: «Большая часть города горела, древние зубчатые стены с башнями эпохи средних веков выделялись резко на фоне моря пламени. Большинство турецких фрегатов еще горело, и когда пламя доходило до заряженных орудий, происходили сами собой выстрелы, и ядра перелетали над нами, что было очень неприятно. Мы видели,

«Императрица Мария» — флагман Нахимова
в Синопском бою. Из альбома рисунков Ганзена
«Русский флот»

как фрегаты один за другим взлетали на воздух. Ужасно было видеть, как находившиеся на них люди бегали, метались на горевших палубах, не решаясь, вероятно, кинуться в воду. Некоторые, было видно, сидели неподвижно и ожидали смерти с покорностью фатализма. Мы замечали стаи морских птиц и голубей, выделяющихся на багровом фоне озаренных пожаром облаков. Весь рейд и наши корабли до того ярко были освещены пожаром, что наши матросы работали над починкой судов, не нуждаясь в фонарях. В то же время весь небосклон на восток от Синопа казался совсем черным...»

Корнилов увидел, что нахимовские суда, многие с перебитыми и поваленными мачтами, продолжали перестрелку, добывая те немногие суда турок, которые еще не затонули и не взорвались. Один из современников так описывает встречу двух адмиралов: «Мы проходим совсем близко вдоль линии наших кораблей, и Корнилов поздравляет командиров и команды, которые отвечают восторженными криками «ура!», офицеры машут фуражками. Подойдя к кораблю «Мария» (флагману Нахимова), мы садимся на катер нашего парохода и отправляемся на корабль, чтобы его поздравить. Корабль весь пробит ядрами, ванты почти все перебиты, и при довольно сильной зыби мачты так раскачивались, что угрожали падением. Мы поднимаемся на корабль, и оба адмирала кидаются в объятия друг друга. Мы все тоже поздравляем Нахимова. Он был великолепен: фуражка на затылке, лицо обгарено кровью, а матросы и офицеры, большинство которых мои знакомые, все черны от поро-

хового дыма. Оказалось, что на «Марии» было больше всего убитых и раненых, так как Нахимов шел головным в эскадре и стал с самого начала боя ближе всех к турецким стреляющим бортам». Среди пленных находился и сам флагман турецкой эскадры Осман-паша, у которого была перебита нога. В личной храбрости у старого турецкого адмирала недостатка не было, так же как и у его подчиненных. Но одного этого качества оказалось мало, чтобы устоять от нахимовского нападения.

23 ноября, после бурного перехода через Черное море, эскадра Нахимова бросила якорь в Севастополе.

Все население города, уже узнавшее о блестящей победе, встретило победоносного адмирала. Нескончаемые «Ура, Нахимов!» неслись также со всех судов, стоявших на якорю в Севастопольской бухте. «Вы не можете себе представить счастье, которое все испытывали в Петербурге по получении известия о блестящем Синопском деле. Это поистине замечательный подвиг» — так поздравлял Василий Долгоруков, военный министр, князя Меншикова, главнокомандующего флотом в Севастополе. Николай дал Нахимову Георгия 2-й степени — редчайшую военную награду — и щедро наградил всю эскадру. Слава победителя гремела повсюду.

Озабочен по поводу Синопа и сосредоточен был с самого начала лишь один человек во всей России — Павел Степанович Нахимов.

Конечно, чисто военными результатами Синопского боя Нахимов, боевой командир, победоносный флотоводец, был доволен. Колоссальный, решающий успех был достигнут с очень малыми жертвами: ни

один корабль не вышел из строя, и все они благополучно вернулись в Севастополь. Мог он быть доволен и своими матросами: они держали себя в бою превосходно, быстро, ловко, дружно выполняя все боевые приказы. Прекрасно действовали и его артиллеристы-комендоры. Наконец, мог Нахимов быть доволен и собой, а он ведь учил, что начальник обязан строго всего и в мирное время, но особенно в бою, относиться именно к себе, потому что на него все смотрят и по нему все равняются. На него смотрели и матросы и любовались им в Синопский день. «А, Нахимов! Вот смелый! Ходит себе по юту, да как свистнет ядро — только рукой, значит, поворотит: туда тебе и дорога!» — рассказывал, лежа в госпитале в Севастополе, изувеченный взрывом участник боя матрос Антон Майстренко.

Итак, собой и своим экипажем Нахимов мог быть вполне удовлетворен. «Битва славная, выше Чесмы и Наварина! Ура, Нахимов! Михаил Петрович Лазарев радуется своему ученику!» — так писал о Синопе другой ученик Лазарева — адмирал Корнилов. Сам Нахимов тоже помянул покойного своего учителя и в свойственном себе духе: «Михаил Петрович Лазарев, вот кто сделал все-с!» Это полное отрицание собственной руководящей центральной роли было совершенно в духе Нахимова, лишенного от природы и тени какого-либо тщеславия или даже вполне законного честолюбия.

Но в данном случае было и еще кое-что. У нас есть ряд свидетельских показаний, исходящих от современников (Богдановича, Ухтомского, адмирала Шестакова и других) и совершенно одинаково говоря-

щих об одном и том же факте — о настроении Нахимова вскоре после Синопа: «О возбужденном им восторге он говорил неохотно и даже сердился, когда при нем заговаривали об этом предмете, получаемые же письма от современников он уклонялся показывать. Сам доблестный адмирал не разделял общего восторга». Он говорил, что считает себя причиной, давшей англичанам и французам предлог войти в Черное море: «Павел Степанович не любил рассказывать о Синопском сражении, во-первых, по врожденной скромности и, во-вторых, потому, что он полагал, что эта морская победа заставит англичан употребить все усилия, чтобы уничтожить боевой Черноморский флот, что он невольно сделался причиной, которая ускорила нападение союзников на Севастополь».

Случилось именно то, чего он опасался...

Только во вторую неделю декабря по Лондону стала распространяться весть о том, что Нахимов уничтожил турецкий флот.

Русский посол в Лондоне Бруннов спешил донести в Петербург о потрясающем впечатлении, произведенном в Лондоне этой русской блестящей морской победой. Он сразу же правильно уловил основной мотив возмущения в прессе и в широких слоях общества: «Где была Великобритания, которая недавно утверждала, что ее знамя развевается на морях Леванта затем, чтобы ограждать и оказывать покровительство независимости Турции, ее старинной союзницы? Она оставалась неподвижной. До сих пор она не посмела даже пройти через пролив. Это значит дойти до предела позора. Жребий брошен. Больше отступить уже нельзя, не омрачая чести Англии неизгладимым пятном». Бруннов не скрывает опасения, что под влиянием таких нападков английское правительство может решиться на активное выступление.

Тут не место распространяться об общих причинах, побудивших Англию и Францию взяться на оружие в 1854 году. Здесь достаточно сказать, что 17 декабря английский посол при французском дворе лорда Каули имел разговор с Наполеоном III, после которого немедленно сообщил министру иностранных дел Кларендону: «Французское правительство полагает, что Синопское дело должно бы быть сигналом к действию флотов». Не успел Кларендон опомниться, как лорд Каули известил его, что французский император снова его призвал и прямо заявил, что нужно «вымести с моря прочь русский флаг» и что он, император, будет разочарован, если этот план не будет принят Англией. 3 января 1854 года англо-французский флот вошел в Черное море.

⟨...⟩ Нахимов и Корнилов с вышки Морской библиотеки увидели в отдалении несметную массу судов. Сосчитать их изда-

Кормовое убранство
и Георгиевский флаг корабля «Азов»

ли в точности было невозможно. Это были как военные суда (парусные и паровые), так и транспорты с армией, артиллерией и обозом. Вся эта огромная масса была окутана туманом и дымом. Нахимов и Корнилов долго глядели на эту медленно проходившую, далекую, темнеющую в тумане громаду в подзорные трубы. Им обоим она несла славу и гибель...

Никто, кроме Нахимова, не носил эполет в Севастополе: французы и англичане били прежде всего командный состав. И никто долго не мог понять его упорства в вопросе о смертельно опасных золотых адмиральских эполетах Нахимова, который так небрежно относился всегда к костюму и украшениям, так глубочайше равнодушен был к внешнему блеску и отличиям.

Поведение Нахимова давно уже, особенно после падения Камчатского люнета и двух редутов, вообще обращало на себя внимание окружающих, и они не знали, как объяснить некоторые его поступки. Насколько Нахимов был прямо враждебен всякому залихватскому, показному молодечеству, это хорошо знали все еще до того, как он особым приказом потребовал от офицеров, чтобы они не рисковали собой и своими людьми без прямой необходимости. Поэтому либо просто удивлялись, не пробуя пускаться в объяснения, либо говорили о фатализме. «При этом он (Нахимов) был в высшей степени фаталист, — пишет один из наблюдавших его севастопольцев. — Посещая наше отделение, он всякий раз непременно ходил на банкет в различных местах, чтобы взглянуть на неприятельские батареи, но никогда в таких случаях не ходил по траншеям, а всегда по площадкам, где пули скрещивались бесперывно. Однажды, когда он хотел пройти с левого фланга в мой блиндаж, Микрюков сказал ему: «Здесь убьют, пойдемте через траншею». Он отвечал: «Кому суждено...» — «А вы фаталист?» — заметил я. Он промолчал и пошел все-таки по открытой площадке, то есть прямо под прицельные французские пули, для которых неспешно шагавшая высокая фигура с блестящими эполетами была превосходной мишенью».

28 июня Нахимов верхом поехал с двумя адъютантами смотреть третий и четвертый бастионы, по дороге отдавая распоряжения обычного бытового характера: командиру третьего бастиона, куда как раз ехал Нахимов, лейтенанту Викорету, только что оторвало ногу, нужно было назначить другого и т. д. Одного из адъютантов адмирал отправил с распоряжениями. «Оставшись вдвоем, — рассказывал лейтенант Колтовский, его сопровождавший, лейтенанту Белавенцу, — мы поехали сперва на 3-е отделение, начиная с батареи Никонова, потом зашли в блиндаж к Панфилову, на-

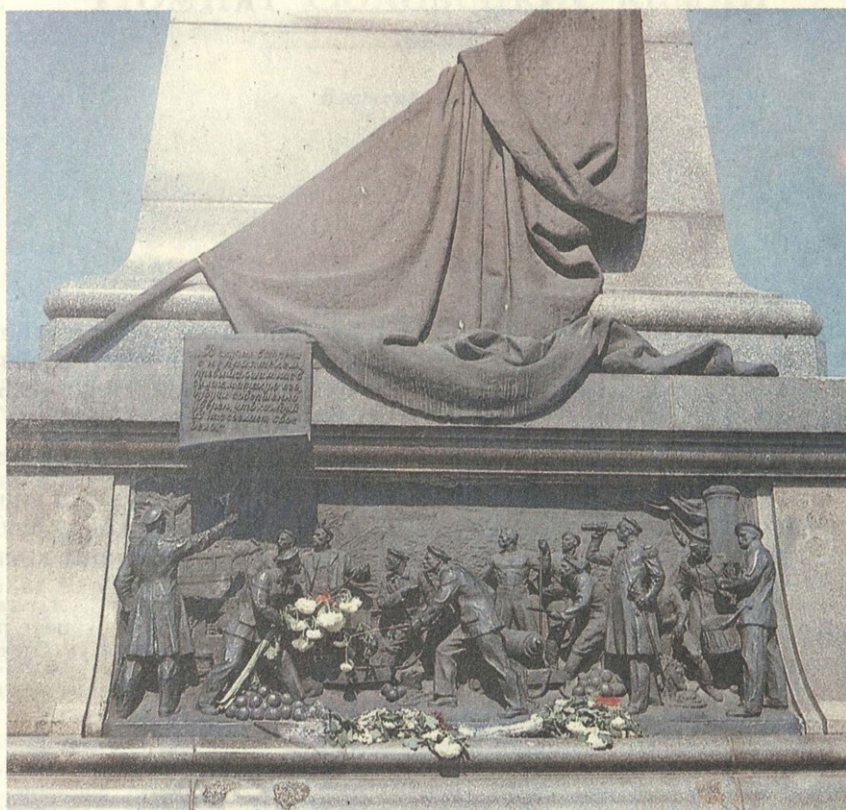
пились у него лимонаду и отправились с ним же на третий бастион». Осмотрев его и еще остальную часть 3-го отделения «под самым страшным огнем», Нахимов поехал шагом на 4-е отделение.

Бомбы, ядра, пули летели градом вслед Нахимову, который был «чрезвычайно весел» против обыкновения и все говорил адъютанту, не желавшему отъехать от него: «Как приятно ехать такими молодцами, как мы с вами! Так нужно, друг мой, ведь на все воля Бога! Что бы мы тут ни делали, за что бы ни прятались, чем бы ни укрывались — мы этим показали бы только слабость характера. Чистый душой и благородный человек будет всегда ожидать смерти спокойно и весело, а трус боится смерти, как трус», — сказав это, Нахимов вдруг задумался.

Но вот оба всадника оказались уже на Малаховом кургане и на том именно бастионе, где пал 5 октября Корнилов и который с тех пор назывался Корниловским. Нахимов тут соскочил с коня, матросы и солдаты бастиона сейчас же окружили его.

«Здорово, молодцы! Ну, друзья, я смотрел вашу батарею, она теперь далеко не та, какой была прежде, она теперь хорошо укреплена! Ну, так неприятель не должен и думать, что здесь можно каким бы то ни было способом вторично прорваться. Смотрите же, друзья, докажите французу, что вы такие же молодцы, какими я вас знаю, а за новые работы и за то, что вы хорошо деретесь, спасибо!» На матросов, по наблюдению окружающих, навеки zapomнивших все, что случилось в роковой день, речь и уже самое появление их общего любимца произвели обычное бодрящее, радостное впечатление. Поговорив с матросами, Нахимов отдал приказание начальнику батареи и пошел по направлению к банкету у вершины бастиона. Его догнали офицеры и всячески стали задерживать, зная, как он в последнее время ведет себя на бастионах.

Дошли до банкета, Нахимов взял подзорную трубу у сигнальщика и шагнул на банкет. Его высокая сутулая фигура в золотых адмиральских эполетах показалась на банкете одинокой, совсем близкой, бросающейся в глаза мишенью прямо перед французской батареей. Керн и адъютант сделали еще последнюю попытку предупредить несчастье и стали убеждать Нахимова хоть пониже нагнуться или зайти за мешки, чтобы смотреть оттуда. Нахимов, не отвечая, все смотрел в трубу в сторону французов. Просвистела пуля, уже явно прицельная, и ударила около самого локтя Нахимова в мешок с землей. «Они сегодня довольно метко стреляют», — сказал Нахимов, и в этот момент грянул новый выстрел. Адмирал без стога пал на землю как подкошенный. Штуцерная пуля ударила в лицо, пробила череп и вышла у затылка.

Цветы на постаменте.
У памятника Нахимову в Севастополе

Он уже не приходил в сознание. Его перенесли на квартиру. Прошли день, ночь, снова наступил день. Лучшие наличные медицинские силы собрались у постели. Он изредка открывал глаза, но смотрел неподвижно и молчал. Наступила последняя ночь, потом утро 30 июня 1855 года. Толпа молчально стояла около дома. Издали грохотала бомбардировка...

Похороны Нахимова навсегда запомнились очевидцам: «Никогда я не буду в силах передать тебе этого глубокого, грустного впечатления... Море с грозным и многочисленным флотом наших врагов... Горы с нашими бастионами, где Нахимов бывал беспрестанно, ободряя еще более примером, чем словом... И горы с их батареями, с которых так беспощадно они громят Севастополь и с которых они и теперь могли стрелять прямо в процессию: но они были так любезны, что во все это время не было ни одного выстрела. Представь же себе этот огромный вид, и над всем этим, а особенно над морем, мрачные, тяжелые тучи, только кой-где вверху блистало светлое облако. Заунывная музыка, грустный перезвон колоколов, печально-торжественное пение... Так хоронили моряки своего синопского

героя, так хоронил Севастополь своего неустрашимого защитника».

Роковое для Севастопольской обороны значение гибели Нахимова поняли все. Смерть адмирала явилась в полном смысле слова началом конца Севастополя. В России это поняли, по-видимому, все следившие за титанической борьбой, а больше всего принимавшие в ней прямо участие.

Твердыня, за которую Нахимов отдал жизнь, не только стоила врагам не предвиденных ими ужасающих жертв, но своим, почти год длившимся отчаянным сопротивлением, которого решительно никто не ожидал ни в Европе, ни у нас, совсем изменила все бывшее умонастроение неприятельской коалиции, заставила Наполеона III немедленно после войны искать дружбы с Россией, принудила Англию отказаться от очень многих требований и претензий, фактически свела к ничтожному минимуму русские потери при заключении мира и высоко вознесла престиж русского народа.

Это историческое значение Севастополя, с несомненностью, стало определяться уже тогда, когда Нахимов, покрытый кровью и славой, лег в могилу.

«Павел Степанович Нахимов». М., 1944.

Смерть Нахимова

За окном тяжелый грохот боя,
Жмутся к стеклам ветви тополей.
Флагмана зовут в поход с собою
Тени белокрылых кораблей.

Слышит он призывный голос меди,
Видит в море выходящий флот.
Умирает флагман и к победе
Русские суда не поведет.

Пробивает кровь бинты тугие,
Врач подносит терпкое питье.
Видит флагман горькую Россию
И матросов — сыновей ее.

Стынет лоб его в предсмертной стуже,
Шепчет флагман в ветер ледяной:
«Старший друг мой, Николай Бестужев,
Это ты пришел сюда за мной.

Я иду». И падает в подушки
Голова, чтоб не подняться вновь.
...На Малаховом грохочут пушки.
День высок и ветер сушит кровь.

*Алексей Лебедев,
поэт, подводник,
погиб в Великую Отечественную
войну*

Прощание с адмиралом Нахимовым.
С литографии В. Тимма

